

Р.Ю. Виппер

Рим и раннее христианство

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Р11

Р11 **Р.Ю. Виппер**
Рим и раннее христианство / Р.Ю. Виппер – М.: Книга по Требованию, 2013. –
266 с.

ISBN 978-5-458-52305-9

Научное изучение истории возникновения христианства всегда находилось в тесной связи с социальным устройством и мировоззрением того общества, где приходилось работать ученым. В Западной Европе, как и в Америке, до сих пор сохраняется традиционная схема происхождения христианства в том виде, как ее построила и закрепила церковь, выработавшая во II в. н. э. кодекс «священных книг», именуемый Новым заветом. Хотя Новый завет возник в обстановке рабовладельческого общества античного мира, он продолжает служить идейным оружием в руках господствующих классов капиталистического общества.

ISBN 978-5-458-52305-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

В конце XIX в. поднялась новая волна критики новозаветной схемы, причем в этом подъеме скептицизма и отрицания традиции принимают участие опять, как и в начале XVIII в., ученые и писатели весьма различных направлений: англичанин Робертсон, бывший секретарем члена парламента — атеиста Бредло, обративший свое внимание на разоблачение фальсификаций и хронологических подстановок в ранней христианской литературе; голландец пуританин Ломан, высказавший предположение о принадлежности «Посланий апостола Павла» II веку н. э. и этим косвенно подвергнувший сомнению историчность «апостола язычников», которого традиционная схема относил к середине I в. п. э., делая его современником Клавдия, Нерона и Сенеки; польский ученый А. Немоевский, в сочинении «Бог-Иисус» вскрывший в образе евангельского Иисуса соединение всех признаков культа солнечного божества; американец, профессор математики, пуританин по вероисповеданию Уильям Бенжамен Смит, в работах «Дохристианский Иисус» (1906 г.) и «Esse Deus» (1910 г.) показавший, что Иисус почитался издавна в кругах иудейских сектантов, что это — мифологический герой, второстепенное божество.

Описанное только что выступление скептиков против традиционной схемы лишь в слабой мере задело, но никоим образом не поколебало консервативной позиции, занятой рационалистической школой германских университетов. В сочинении А. Швейцера «Von Reimarus bis Wrede. Geschichte des Leben Jesu Forschung» (1906 г.) дается высокомерная отповедь «кучке дилетантов», не являющихся специалистами в теологических вопросах, пообещавших обильный ужин, а ограничившихся скудной холодной закуской.

В 1909 г. глава протестантской теологии А. Гарнак опубликовал ряд статей, в которых ставил вопрос «Hat Jesus gelebt?». После обычной пренебрежительной оценки «дилетантов», не имеющих-де понятия о документах раннего христианства, автор приводит в пользу историчности Иисуса ряд доводов, поражающих своей наивностью. Один из них гласит: в евангелиях упоминаются братья и сестры Иисуса; как же можно сомневаться в реальности существования его самого?

Мы не должны быть введены в заблуждение той, на первый взгляд, решительной критикой христианской традиции, которую находим в работах Б. Смита, Немоевского и других. Эта критика ни в коей мере не была направлена против христианской религии в целом. Задача, которую ставили перед собой буржуазные «критики» христианства конца XIX и начала XX столетия, состояла лишь в «очищении» христианства.

Современная буржуазная историография полностью откалывается от радикальных традиций скептицизма. Французский

клерикал, историк Пьер Лабриоль прямо называет «безумными» гипотезы о неисторичности Христа. Консервативный профессор Иерусалимского университета И. Клаузнер в книге «От Иисуса до Павла» выступает не только против радикального скептицизма (Бр. Бауэр, Робертсон, Смит), но даже и против тех «рационалистов», которые, признавая самый факт реального существования Христа, все же отрицали возможность узнать что-либо определенное о его жизни и личности. «После двух столетий Высшего Критицизма,— торжественно провозглашает реакционный американский историк Уилл Дюрант,— основные контуры жизни, характера и учения Христа остаются достаточно чистыми и создают наиболее очаровательный образ в истории западного человека». Даже сообщения евангелий о чудесах, якобы совершенных Христом, признаются современными буржуазными историками за достоверные. Дюрант прямо говорит о Христе: «Исключительность его силы представляется доказанной совершенными им чудесами». Еще дальше Дюранта идет в этом отношении известный американский востоковед Олмстэд, автор книги «Иисус в свете истории»; он готов даже считать реальным явление Христа после распятия. По мнению Олмстэда, совершенно необходимо признать действительным явление Христа в Эммаусе, ибо без этого нельзя-де объяснить поразительное изменение в настроении учеников Христа, которые внезапно от слез и горя перешли к великой радости.

Таким образом, современные буржуазные историки в Западной Европе и Америке отказываются не только от скептицизма конца XIX и начала XX в., но даже и от «рационализма», принимая чуть ли не в полной мере евангельскую версию возникновения христианства. В этих условиях критическое изучение истории раннего христианства приобретает особенно важное значение.

Основы для научного изучения истории раннего христианства были заложены классиками марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс посвятил этому вопросу две специальные работы: «Бруно Бауэр и раннее христианство» (т. XV Сочинений Маркса и Энгельса) и «К истории раннего христианства» (т. XVI, ч. II). В этих работах Ф. Энгельс рассматривает общественные перемены, которые подготовили возникновение христианства. Изменение прежнего политического порядка и экономических условий жизни средиземноморских стран, вошедших в состав Римской империи,— вот в чем, по мнению Энгельса, нужно искать корни христианства.

Воззрения классиков марксизма на христианство были положены в основу работ всех советских историков. Моно-

графии А. Б. Рановича, В. И. Недельского, Н. В. Румянцева, популярные статьи и брошюры Я. А. Ленцмана, П. К. Амосова, общие пособия по истории Рима В. С. Сергеева, С. И. Ковалева, П. А. Машкина, А. Г. Бокщанина, В. П. Дьякова коренным образом отличаются от работ буржуазных авторов. В трудах советских исследователей мы находим не только критическое изучение истории христианства, не только критическое рассмотрение новозаветной традиции,— основной задачей этих исследований является выяснение социально-экономических и идеологических корней христианства.

Однако эта задача в настоящее время только еще поставлена. Специалистам по истории христианства предстоит много трудная и чрезвычайно сложная работа. Ведь если рассеять густой туман, скрывавший от нас историю первых веков нашей эры, убрать из поля зрения всю массу мифотворческих конструкций, теологической догматики, подстановок и фальсификаций, то перед историком откроется совершенно неизведанный край, полный загадок социальный и культурный мир.

До последнего времени область эта была ничьей, *res nullius*. Никто из представителей смежных специальностей, ни один из историков, изучавших общее развитие Римской империи или судьбы отдельных провинций, ни один из историков греческой и римской литературы, ни один из историков философии и права никогда не интересовался вопросом о том, откуда взялись последователи Христа, которые объявили непримиримую войну всей античной культуре.

Мне хотелось бы в самых беглых чертах наметить несколько проблем, которые встают перед историком, изучающим вопросы возникновения христианства. Эти проблемы можно разделить на две категории — критические и конструктивные.

Критические вопросы специалист по истории христианства поставит в первую очередь. Необходимо уничтожить все остатки традиционной схемы, истребить все следы мифотворческой и догматической работы составителей Нового завета, для того чтобы можно было приступить к настоящей, научной реконструкции истории веков, память о которых заглушена, искажена церковной традицией. Такого рода критика необходима подобно тому, как в начале земледельческой работы нужно выкорчевать пни, очистить пашню от дикой заросли, устранить сорные травы, прежде чем приниматься распахивать поле.

В области критики традиции перед исследователем встают три главные задачи.

Первая из них состоит в разоблачении фальсификаций, внесенных христианскими богословами III и IV вв. Тут действовал с полной беззастенчивостью благочестивый обман:

составители христианской догмы поставили себе целью опровергнуть невыгодное для авторитета церкви молчание современников (*saeculi silentium*) и произвели вставки в сочинения античных авторов, писавших в период 70—120 гг., заставив их высказать несколько замечаний о появлении Иисуса Христа и о существовании христианских общин уже в I в. н. э.

Такие интерполяции мы находим у четырех авторов: у Иосифа Флавия («Древности», XVIII, 3,4), у Тацита («Анналы», XV, 44), у Светония [в биографиях Клавдия (25), Нерона (16)], у Плиния Младшего в переписке с императором Траяном (X, 96, 97).

Интерполяции эти нельзя разбирать изолированно, по отдельным писателям, ограничиваясь только сличением подозреваемых абзацев и фраз с текстом всего произведения. Вопрос об интерполяциях есть общий вопрос: придуманные христианами богословами вставки представляют собой продолжение работы редакторов Нового завета. Уже там была сделана попытка приурочить созданного легендой Христа ко времени, когда действовали исторически засвидетельствованные личности — прокуратор Понтий Пилат и Ирод Антипа. Это совершенно произвольное соединение мифа с историей указало путь к интерполяциям.

Далее, основной догмат новой религии, состоявший в признании факта земного странствования, страданий, смерти и воскресения Иисуса Христа, в последующем развитии христианства сделался Предметом полемики, и притом двойкой: христиан с язычниками и ортодоксальных христиан, последователей Нового завета, с еретиками, отрицавшими реальность Христа (гностиками, докетами). Христологические споры достигли высшего напряжения в эпоху Никейского собора (325 г.). К этому времени относятся три интерполяции: у Иосифа Флавия, Тацита и Светония; их тенденция — закрепить документально историчность возведенных в канон евангельских символических образов.

Следующей за критическим анализом фальсификаций проблемой является вопрос о происхождении самого Нового завета, образовании центральной его легенды, создании мифа о Христе — основателе христианской церкви. Коренная ошибка рационалистической школы состояла в том, что рассказы новозаветных книг о Христе и апостолах, приводимые в них проповеди и изречения принимались за исторические свидетельства; их считали записью — с преувеличениями, фантастическими добавлениями — каких-то устных преданий о появлении пророка, уроженца Галилеи, казненного затем в Иерусалиме, причем предполагалось, что этот необыкновенный человек так поразил воображение учеников, что они признали его боже-

ством, сыном божьим, чему охотно поверили услышавшие весть о нем дальнейшие последователи его учения, никогда его не выдавшие. Упорство «рационалистов» в повторении этой неправдоподобной версии объясняется тем, что они оставались верны теологической схоластике. Критический анализ Нового завета показал бы им, что книги, вошедшие в канон, далеко не представляют собой первоначального источника сведений о Христе и апостолах.

Сборник «священных книг» есть сложная компиляция, соединение в одно целое нескольких работ. Юстин в своей «Апологии», написанной в 150 г., когда евангелия еще не были окончательно оформлены, упоминает три важнейших их источника: «Воспоминания апостолов», «Изречения Иисуса», «Акты Пилата» (в последнем содержится протокол суда над Христом). Эти произведения носили на себе печать литературного, ученого и поэтического изобретения. Авторы и редакторы новозаветных книг старались установить компромисс различных толкований, возникавших на почве ученых и литературных исканий. Они строили догадки и старались доказать их правильность, достоверность. Они вовсе не были изолированы от окружающего литературного мира, и притом не только греко-римского, но и внеимперского, в частности иранского и индийского.

Критическая задача, возникающая перед советским историком, состоит в том, чтобы вскрыть пути и приемы христологического литературного творчества, установить правильную хронологию новозаветной литературы, выявить параллели ее с литературой языческой и показать, как с течением времени видоизменялась легенда о Христе.

Третьей критической проблемой, как мне кажется, следует признать разоблачение мифа о первоначальном «чистом» христианстве. Эта проблема тесно связана с предшествующей. Организаторы канона, редакторы Нового завета, работали рука об руку с апологетами, проповедниками новой религии: целью тех и других было представить выработанное теологами учение как единственно правильное, ортодоксальное, не имеющее предшественников и подготовителей.

Такова концепция сочинения «Против ересей» Лугдунского (Лионского) епископа Иреня, современника составителей Нового завета. Ироней жил в одно время с организаторами канона, он вдохновлялся той же самой целью согласования различных теологических направлений. Методы этих ревнителей единства своеобразны или, если можно так выразиться, своенравны: сделав свой выбор из тезисов и объяснений различных групп и толков (*atréesi?*— в русском произношении ереси), загородив свою композицию неприступной стеной обязательной для всех верующих догмы, они объявляют

самый факт раздельности, дробления на ереси великим грехом, худшим, чем язычество или неверие. Их ортодоксия, их исповедание явилось в результате догадок и примирения противоположностей, но раз достигнутое единение они рассматривают как исходную, первоначальную истину: все, что не вошло в только что выстроенную ими крепость, они признают за вредное отклонение. Они изменяют картину современной им идеологической борьбы. На самом деле движение исходило не от одной точки, не от одной линии получились отклонения, а было сначала много исходных точек, много линий, был разброд направлений, которые искусными маневрами организаторов канона были сведены к известному единству, с отстранением целого ряда таких ересей, которые не прилаживались к данному компромиссу. Говоря коротко, ереси существовали раньше канона, а не канон раньше ересей.

Составители Нового завета, апологеты, автор сочинения «Против ересей» создали миф о первоначальном «чистом» христианстве,— миф, который подобно легенде о Христе сложился на литературной почве. Историк наших дней предстоит разрушить это построение догматологов II в., показать, что так же, как не было «основателей христианства», не было такого момента, когда бы сразу выступил готовый комплекс верования, обьявившего миру неведомому до тех пор истину. Необходимо раз навсегда расстаться со всеми остатками мифотворчества, принадлежащего мировоззрению II в. н. э., которое полагало в основу возникновения христианства чудо, внезапное вмешательство сверхъестественных небесных сил. Необходимо исполнить эту критическую работу для того, чтобы приступить к изучению реальных факторов возникновения новой религии, которая была в известной мере продолжением и развитием более ранних верований и в то же время явлением определенной эпохи культурной жизни, совершавшимся в определенной социально-экономической и политической обстановке.

Так например, ставился ли когда-нибудь по-настоящему вопрос об экономической основе христианских общин? Что означает постоянное и настойчивое восхваление койнонии, т. е. товарищеского коллективного начала в жизни общин, в силу которого сочлены таковых не должны различать «моего» и «твоего»? Означает ли эта формула, что общины образовывали в своей среде коллективное производство или по крайней мере коллективное потребление? Что означает восклицание, вкладываемое в уста Иисуса — «блаженны нищие»? Как примирить требование Иисуса, обращенное к богатому юноше, чтобы он продал свое имущество и роздал деньги бедным, и непосредственно следующее за этой встречей благословение Иисусом дома архибогатого ростовщика-филантропа?

5 Не изучен в должной мере и вопрос об отношении христианства к рабству, хотя еще Маркс писал, что «социальные принципы христианства оправдывали античное рабство...»¹ Христианство возникло в среде рабовладельческого общества, поэтому очень важно понять, как относилось оно к рабовладельческому праву. Нужно также объяснить совмещение в Новом завете таких противоположностей, как объявление равенства во Христе свободных и рабов и жестокие, рабоненавистнические евангел>ские притчи.

К числу *конструктивных* проблем, которыми предстоит заняться специалисту, относится вопрос о происхождении церкви — как растущего организма, так и общей организации, претендующей на авторитет всемирного господства, поднимающей над государствами и народами.

В Новом завете по этому поводу имеются формулы и картины, в которых возникновение церкви объясняется чудом. Таково изречение Христа, что церковь можно уподобить самому малому из семян — горчичному зерну, из которого вырастет большое ветвистое дерево. Далее, в «Деяниях апостольских» сообщается об основании апостолами Петром и Иоанном первой общины в Иерусалиме, послужившей образцом для всех последующих. Наконец, имеется рассказ «Деяний» о миссионерской деятельности апостола Павла, перенесшего проповедь в среду язычников и в течение двадцати лет (от начала 40-х до начала 60-х годов I в. н. э.) успевшего основать христианские общины—«церкви» в крупнейших городах империи — Риме, Коринфе, Эфесе, Филиппах, Фессалониках, вдобавок в глухой провинциальной Галатии, причем апостол умел преодолевать в самый короткий срок громадные расстояния частью морскими переездами, частью сухопутными странствованиями.

Так верили — лучше сказать, так сочиняли и доказывали происхождение церкви теологи II в. н. э. Поразительно, что еще в начале XX столетия А. Гарнак принимал целиком эту концепцию, соответствующую мировоззрению авторов Нового завета: к его «Mission und Ausbreitung des Christentums» (1906 г.) приложена даже карта в красках, наглядно изображающая «странствования» апостола.

Но если историку наших дней нетрудно рассеять мифотворческую композицию II в., то в дальнейшем перед ним встает задача гораздо более сложная: что же было в действительности в первые два века нашей эры? Откуда взялись упоминаемые в «Посланиях апостола Павла» церковные общины, выступавшие с такими отчетливыми обрядами, верованиями и устройством, откуда эта идея «великой всемирной церкви»? Откуда

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 173.

эта уверенность в противопоставлении себя как общины, обладающей истинной верой, морально безукоризненной, погруженному в мрак невежества и порочности языческому миру? Все это такие черты, свойства и притязания, которые не рождаются внезапно в одну ночь, а составляют результат продолжительного развития, воспитались на традициях, идущих из давних времен.

Мне кажется поэтому, что проблемы реконструкции реальной истории христианства не могут быть разрешены иначе, как с помощью изучения социально-экономической и культурной истории времени, предшествовавшего появлению Нового завета с его догматическими формулами и мифологическими образами. Обряды, бытовые формы, социальное устройство, мировоззрение христиан — современников Марка Аврелия и Лукиана составляют результат и завершение сложной многовековой работы.

Поставив в заголовке моей работы слова «Рим и раннее христианство», я должен оговориться, что в мою задачу не входило рассмотрение всех источников и всех предшественников христианства в античном мире: я оставил пока в стороне влияние на раннее христианство старинных восточных религий и ограничился изучением его корней в греко-римской идеологии и в иудейском сектантском движении. Такой подход оправдывается в известной мере тем обстоятельством, что мое исследование не идет далее времени образования Нового завета и христианских сочинений II в. н. э.: в эту пору христианство, отделившееся от иудейского сектантства, едва только вступало на путь синкретизма, т. е. усвоения языческих верований, идей и образов, принадлежащих старинным восточным культурам.

В данной работе мне важно прежде всего показать необходимость устранения заграждающей историческое изучение христианства традиционной легенды об Иисусе Христе и «апостоле Павле». Далее, я считаю существенно важным синхронистическое изучение фактов возникновения христианской идеологии и социально-экономической, а также культурной истории Римской империи. Параллельное изучение этих процессов >и установление правильной хронологии произведений христианской литературы дадут возможность разрушить легенду о Христе, созданную церковной традицией. Таким образом, в настоящей работе я считаю нужным обратить особое внимание на критику источников и определение социального характера раннего христианства.

Часть первая

